

РЭНДИ СИНГЕР

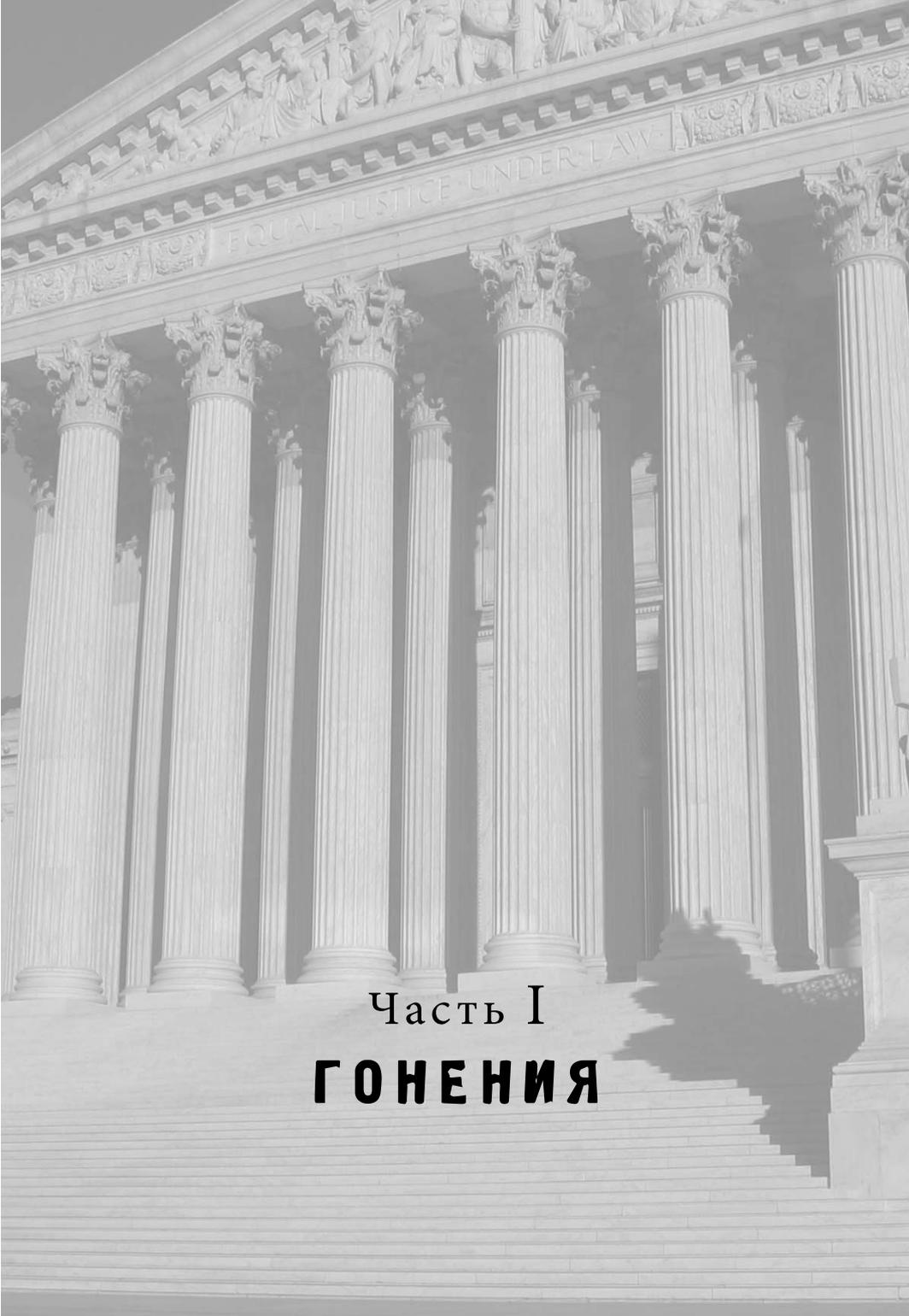
СУДЕЙСКИЙ ВЕРДИКТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

С-Петербург, 2011

EQUAL JUSTICE UNDER LAW

Часть I
ГОНЕНИЯ

1

— Сара, мутавава* вышла на нас! Их люди скоро придут. Может, даже сегодня. — Звонивший сделал паузу. Голос у него дрожал. — Аресты. Допросы. Казни. Они не остановятся ни перед чем, — быстро прошептал он по-арабски.

Сара попыталась ответить, но слова застряли у нее в горле. Она так сильно сжала трубку, что костяшки пальцев побелели. От волнения Сара не могла вздохнуть, хотя понимала, что человек на том конце провода не должен чувствовать ее страха.

— Сара, ты слышала?

— Рашид, это ты? — шепотом спросила она тоже по-арабски.

— Сегодняшнюю службу нужно отменить. И еще, Сара...

— Что?

— Увези детей из квартиры.

Дети... Двенадцатилетняя Мередит и десятилетний Стивен. Конечно, она куда-нибудь спрячет их. Но что будет с ней самой... и с Чарльзом? Они не могли просто так убежать и спрятаться, едва услышав, что на них открыли охоту. Но если эта тревога не ложная...

---

* Мутавава, или шариатская гвардия (от араб. «мутавава-ин») — специальные подразделения МВД в Саудовской Аравии, называемые также «Комитетом по распространению добродетели и предотвращению порока», в сферу компетенции которых входит предотвращение нравственных преступлений (таких как прелюбодеяние и потребление алкоголя), а также контроль за соблюдением запретов на исповедование какой-либо другой религии, кроме ислама. — *Примеч. ред.*

— Сара, помни: нам дан дух не боязни, но силы и любви и целомудрия.

— М-м... ладно... С нами все будет в порядке. — По ходу разговора ее голос становился все увереннее, но она продолжала шептать: — Молись за нас.

— Хорошо, — пообещал собеседник и повесил трубку.

Сара еще немного постояла с телефоном в руках. Она не была готова положить трубку и повернуться к Чарльзу и детям. Миллионы вопросов оставались без ответа. Звонил Рашид, но откуда он узнал про мутавву? И если их люди могли прийти уже сегодня, что они знают? Кто сообщил им? Зачем? Она постаралась собраться с мыслями, успокоить свои страхи и заглушить слова, которые продолжали звучать в голове. Повесив трубку, она еще некоторое время смотрела на нее.

— Дорогая, все в порядке? — спросил Чарльз. Он подошел к жене и начал разминать ей плечи. Она закрыла глаза и сосредоточилась на пальцах, массировавших напряженные мышцы. Но ей не удавалось расслабиться. — Эй, — тихо проговорил он, — ты чего так напряжена?

Сара развернулась и позволила Чарльзу обнять себя, дрожа в его объятиях. Затем встала на цыпочки и прошептала ему прямо в ухо:

— Мутаввины вышли на нас. Они могут прийти уже сегодня вечером.

Подняв голову, чтобы посмотреть на него, она ожидала увидеть в его глазах утешение и силу, как это часто бывало на протяжении двадцати трех лет совместной жизни.

Вместо этого она обнаружила там лишь ужас.

В большом зале было несколько свободных мест. Приставы находились в полной готовности. Центральный проход разделял зрителей на два лагеря, между которыми не было ничего общего.

В левой части, за столом обвинителя, расположились защитники права женщины на выбор. Там сидели сотрудники клинической больницы Норфолка и ратующие за свободу выбора адвокаты со всей Вирджинии. Вместе с ними расположились служащие суда, не желавшие, чтобы их приняли за фанатиков с противоположной стороны, и мечтавшие увидеть, как обвиняемый получит по заслугам.

Справа же находились прихожане церкви «Чесапик коммьюнити». Многие из них склонили голову в тихой молитве: их пастор, преподобный Джейкоб Бейли, дошел до самого важного момента в своих показаниях. Вместе с прихожанами сидели ярые сторонники движения за жизнь, люди, уже не раз приковывавшие себя наручниками друг к другу или к клиникам, где делали аборты. На своем веку они повидали множество опасных судей и обвинителей. И, как они уже не раз честно говорили тем репортерам, которые готовы были их слушать, они никогда не видели столь пристрастных судей, как эта — почтенная Синтия Бейкер-Кляйн. И сейчас, когда дело рассматривалось без присяжных, только она решала: осудить или помиловать.

Двое художников, быстро и сосредоточенно делавших карандашные наброски, сидели слева вместе с репортерами. Рисовать женщину в мантии было легко, просто мечта любого художника. За спиной юристы называли ее Икабод Крейн*. Черты ее лица были угловатыми: длинный острый нос, выступающая челюсть. Портрет дополняли костлявые пальцы, вечно хмурый взгляд и очки в тонкой оправе — такой собирательный образ типичной учительницы. За все время процесса она ни разу не улыбнулась.

А вот преподобный Джейкоб Бейли никак не давался художникам. Как они ни старались, ни одному из них не удалось изобразить Бейли похожим на настоящего преступника. Лицо его было бледным, с тонкими чертами. После двенадцати дней поста, проведенных на одной воде, он сильно похудел. В мягких волосах то и дело проскакивали разряды статического электричества. Его хрупкое тело, казалось, утонуло в свидетельском кресле, так что, давая показания, он был вынужден сильно наклониться вперед. Голос преподобного был настолько тих, что Икабод постоянно просила его говорить в микрофон.

В настоящий момент пастора допрашивал адвокат со стороны защиты Брэд Карсон. Рисовать Карсона было куда легче. Он был стройным, с фигурой спортсмена, прямоугольной челюстью,

---

* Икабод Крейн — персонаж «Легенды о Сонной лощине» Вашингтона Ирвинга, молодой следователь из Нью-Йорка, приехавший в маленький провинциальный городок для проведения расследования происходящих там странных событий. — *Примеч. пер.*

глубоко посаженными выразительными глазами бледно-голубого цвета и черными как смоль волосами. Он не выставлял себя напоказ, а его легкая приятная улыбка очаровывала как свидетелей, так и простых наблюдателей.

Когда Карсон добрался до сути дела, художники отложили карандаши в сторону.

— Преподобный, что вы делали 13 сентября перед гинекологической клиникой? — обратился Брэд к свидетелю из-за трибуны. Вчерашняя попытка пройти по залу заседаний закончилась грозной лекцией от Икабод, посвященной правилам поведения в суде.

— Молился, — тихо и спокойно произнес преподобный.

— Вы разговаривали с Богом или с людьми?

— Я молюсь Богу, — ответил преподобный. — Во имя Его Сына, Иисуса Христа.

Последней фразы не было в сценарии, подготовленном Брэдом, поэтому он посмотрел на Бейли с укором.

— Ваши глаза были закрыты, когда вы преклонили колени в молитве? — Брэд сделал ударение на словах «преклонили колени», потому что так поведение преподобного выглядело менее опасным.

— Да, конечно.

— Вы замечали, есть ли кто-нибудь вокруг вас?

— Да не то чтобы... — проговорил преподобный. — Когда я молюсь, то стараюсь думать только о Боге и ни о чем больше.

Еще один пространный ответ. Создавалось впечатление, что пастор старался таким образом подбодрить своих прихожан.

— Вы находились на расстоянии менее ста футов от клиники? — резко спросила Икабод, перегнувшись через стол, как бы нависая над свидетелем.

Ее вопрос — на первый взгляд простой — казался, поразил свидетеля. Он взглянул на судью и произнес:

— Да, мадам.

Брэд заметил, как Икабод сделала пометку в своем блокноте. В уголовном законе говорилось о любых выступлениях или демонстрациях в пределах ста футов от медицинского учреждения.

Он решил, что нужно брать инициативу в свои руки:

— Разрешите подойти к свидетелю, ваша честь? — Брэд начал движение к свидетельскому месту.

Икабод посмотрела на Брэда и несколько мучительно долгих секунд не сводила с него глаз. Он остановился.

— Да, — ответила она, когда все его внимание было сосредоточено на ней.

Брэд вздохнул и продолжил движение. Краем глаза он заметил, как Икабод рисует что-то в блокноте, всем своим видом показывая, как ей скучно.

— Возьмите, пожалуйста, выдержку из рассматриваемого закона, — сказал Брэд и протянул преподобному лист бумаги. Листок задрожал в руках Бейли, когда тот взял его. Брэд знал, что это случится. Это было частью его плана: вызвать симпатию к обвиняемому.

— Обратите внимание на параграф второй, — продолжил Брэд, вернувшись к своему столу и достав из кармана пиджака очки. — Следите за текстом, пока я буду читать запреты, указанные в законе. Пытались ли вы препятствовать, задерживать или затруднять кому-либо проход в учреждение?

— Нет.

— Подходили ли вы намеренно на расстояние менее восьми футов к кому-либо из пациентов с целью вручить ему брошюру или листовку?

— Нет.

— Подходили ли вы намеренно на расстояние менее восьми футов к кому-либо из пациенток с целью выразить устный протест или убедить кого-либо из пациенток не делать аборт?

— Нет, — произнес преподобный Бейли. Его голос начал обретать уверенность, хотя руки продолжали дрожать. Брэд был доволен свидетелем: непросто было заставить пастора отвечать столь кратко.

Но Икабод это не убеждало.

— Когда вы молитесь, — спросила она, задумчиво глядя в зал, — обязательно ли, по требованиям вашей религии, делать это в определенном месте?

— Нет, ваша честь, — заметил Бейли. Казалось, он был сбит с толку.

— То есть вы можете молиться в любой точке страны, и Бог все равно вас услышит?

— Конечно. Он ведь вездесущ.

— И Бог услышит вас независимо от того, молитесь ли вы вслух или про себя? — спросила судья, все так же глядя в никуда.

— Естественно, — ответил Бейли. Он придвинулся так близко к микрофону, что тот издал пронзительный высокий звук. Пастор дернулся, как если бы микрофон укусил его.

— В тот день вы молились вслух или про себя? — продолжала Икабод.

— Вслух.

— Достаточно громко, чтобы другие могли вас услышать?

— Да.

Икабод сделала еще несколько пометок в блокноте. Затем повернулась и холодно взглянула на свидетеля. Тот невольно отодвинулся.

Брэд чувствовал себя так, будто видел крушение поезда в замедленной съемке и ничем не мог помочь. Он снял очки и стал покусывать дужку.

— Неужели вы считаете, что суд поверит, будто вы совершенно случайно выбрали это место для молитвы, совершенно случайно молились вслух, но при этом совсем не имели намерения переубедить женщин, которые совершенно случайно могли проходить мимо? — Икабод заговорила высоким голосом и подняла брови, всем своим видом выражая недоверие.

— Ваша честь, — быстро проговорил Брэд, отвлекая внимание от свидетеля, — мне очень неловко, но я вынужден возразить против вопросов суда. — Он сверкнул обезоруживающей улыбкой, однако судья на нее не отреагировала. — Я так подозреваю, мое возражение будет отклонено, — продолжил он. — Мне кажется, неуместно задавать этому свидетелю столь спорные вопросы. Особенно если вопрос подразумевает под собой законодательный запрет молиться вслух на тротуаре. Когда я читаю этот закон, у меня такого толкования не возникает.

— Вы закончили с протестом? — Икабод перевела свой ледяной взгляд на Брэда.

— Пока да, — быстро ответил он.

— Отклонено. Суд имеет право задавать любые вопросы. А теперь, мистер Бейли, отвечайте на вопрос.

Преподобный Бейли замаялся и тяжело выдохнул.

— По правде говоря, ваша честь, — тихо начал он, — я чувствовал необходимость молиться об этом. — Он сделал паузу и посмотрел

рел на свои сведенные руки, его голос зазвучал еще тише: — Этот грех... убийство нерожденных детей — чума нашей нации. Я чувствовал волю Божью в том, чтобы молиться перед больницей, не смотря на последствия.

«Ай, молодец, — подумал Брэд. — *Давай, покажи им свои клыки*». Брэд опять решил взять контроль над ситуацией в свои руки.

— Почему вы чувствовали такую необходимость? — спросил защитник, наклоняясь вперед и всем своим видом демонстрируя интерес к происходящему.

Первой на вопрос среагировала обвинитель, женщина лет сорока по имени Анджела Беннетт. Она немедленно встала, чтобы возразить, хотя могла бы поберечь свои силы, потому что Икабод, очевидно, вставшая на защиту клиники Норфолка, уже была на чеку.

— Мистер Карсон, — прошипела она, глядя на него поверх очков, сдвинутых на кончик носа, — этот вопрос неуместен, и вы это знаете. Я уже говорила вам, что мы не будем рассматривать личные взгляды преподобного на аборт...

— Но, ваша честь, мотивация играет в нашем случае важную роль. Согласно закону, преподобный Бейли должен был подойти к пациентке гинекологической клиники на расстояние менее восьми футов *с целью* убедить ее не... — Судья подняла руку, и Брэд замолчал, не договорив.

— Мистер Карсон, — выкрикнула она, — я не закончила!

— Прошу прощения, ваша честь, — ответил Брэд без какого-либо намека на сожаление.

— При рассмотрении этого дела вы *не будете* касаться вопросов, связанных с мотивацией. Мы рассматриваем дело в связи с конкретными обстоятельствами. Ваш подзащитный либо нарушил закон, либо нет. Цель его присутствия в том месте — и то, состояла ли она в намерении убедить женщин не делать аборт, — можно определить из его действий. Меня не интересует, исходя из каких мотивов он там находился. Это вам ясно? — посмотрела она на Брэда так, как может посмотреть только федеральный судья.

Он хотел сказать Икабод, что она занимается казуистикой и что она — позор для судейского корпуса. Он хотел высказать ей все, что думал о ней во сне, по пути на работу и еще тысячу раз этим

утром. Брэд почувствовал непреодолимое желание выпустить пар. Но он знал также, что это бессмысленно.

Это ни в коей мере не соответствовало его плану. И будущее его клиента зависело от того, насколько спокойным он останется и сколь тщательно будет придерживаться своего плана.

Поэтому он просто продолжал смотреть на судью такими же горящими глазами, как у нее.

— Мистер Карсон, я к вам обращаюсь, — проговорила Икабод с надрывом в голосе.

— Простите, ваша честь, — наконец ответил он. — Я лишь хотел удостовериться, что на этот раз вы закончили.

От такой дерзости судья не смогла вымолвить ни слова. Ее глаза превратились в узкие щели, ноздри большого носа расширились и сужались в такт дыханию. Когда она наконец заговорила, речь ее была резкой и отрывистой:

— Чтоб я больше... никогда не слышала такого неуважительно-го обращения к судье! В следующий раз... я накажу вас за неуважение к суду. И еще, мистер Карсон...

Он поднял бровь, не собираясь отвечать.

— Вернитесь к трибуне и продолжайте допрос оттуда. — Она внимательно проследила за тем, чтобы Брэд вернулся на свое место. — Ваши детские трюки не оказывают на меня никакого воздействия.

Брэд просмотрел свои записи, лежащие на трибуне. Затем нагнулся к сидевшей за адвокатским столом полной женщине, чтобы прошептать ей на ухо пару слов. Это была Белла Харпер, его постоянная помощница.

— Следи за веной у нее на шее, — шепотом проговорил Брэд. — Она скоро лопнет, я тебе обещаю.

На шее Икабод была видна огромная вена, пульсировавшая в такт ударам сердца.

— Не геройствуй, — прошептала Белла.

Но Брэд понимал, что другого выбора у него нет. Пока судьей была Икабод, это дело ему не выиграть. Она уже приняла решение, повлиять на которое не могли никакие факты. Он мог лишь продемонстрировать ее пристрастность и добиться отмены судебного решения по апелляции.

Для этого ему нужно было как можно сильнее разозлить судью и поставить под удар собственную репутацию: а ведь Брэду по-

надобилось двенадцать лет, чтобы заслужить ее. В этом случае он наверняка проигрывал дело, но получал возможность победить в апелляционном суде. К сожалению, это влекло за собой еще одно последствие: его обязательно провозгласят борцом за права христиан, к чему он точно не был готов.

Но Брэд все равно пойдет на это.

Он сделает это потому, что дал клятву со всем усердием защищать своего клиента. Он сделает это потому, что так будет правильно.

Брэд вдохнул и сосредоточился. Икабод еще не все выслушала о мотивах.

Настал час для плана «Б».

А в это время на другом конце света воин крался к своей добыче.

Ахмед Аберджан был священным воином на священной войне. Официально он занимал пост главы мутаवвы, религиозной полиции Саудовской Аравии. Коллеги прозвали его Правой рукой Мухаммеда.

Его Комитет был последним оплотом религиозной чистоты в обществе, пораженном раковой опухолью западной культуры. Ахмед верил, что лишь законы шариата оберегают его страну от деградации западного мира. Без них Саудовская Аравия стала бы марионеткой в руках Америки, ее арабским рабом. Его тошнило от Америки: от ее высокомерных женщин, заносчивых и слабых политиков, любви к материальным ценностям. Втайне он злорадствовал, когда обрушились башни-близнецы Всемирного торгового центра, и радостно наблюдал за танцующими на улицах радикальными исламистами. Как и неверным из зданий торгового центра, всем христианам однажды придется предстать пред праведным Аллахом и ответить за свои прегрешения.

А пока они будут иметь дело с Ахмедом.

Он жил ради ночей вроде этой — когда чувствуешь, как бежит по венам кровь, а каждый нерв напряжен до предела. Ахмед охотился на подпольную домашнюю церковь американского миссионера Чарльза Рида. Но, конечно, основной его целью была религиозная чистота жителей королевства.

Сам пророк Мухаммед — мир праху его — завещал, что на Аравийском полуострове не должно быть другой религии, кроме ислама. Эта земля была святой. Священной. И эти неверные с Запада не смели осквернять ее.

Именно по этой причине немусульманские секты не имели права на проведение публичных собраний и служений. А обращение мусульманина в другую религию до сих пор каралось смертной казнью.

Молодой Ахмед часто пугался, когда ради достижения религиозной чистоты мутавва действовала чересчур жестоко, не брезгуя пытками и даже казнями. Но чем старше он становился, чем больше росла его приверженность делу, тем яснее он понимал, что ради достижения цели, поставленной великим пророком, иногда необходимо было пролить кровь. Он до сих пор помнил, как впервые вершил возмездие во имя Аллаха. Ахмеда захлестнула эйфория — сильные чувства и ощущение мира наполнили его. Как никогда раньше, он знал, что Аллах им доволен. В тот день он посвятил всю свою жизнь достижению великой цели и наказанию неверных.

Для этого сегодня вечером Ахмед должен был оказаться в одном обветшалом доме на другом конце города. Он легко мог поручить это дело кому-то еще, но даже не подумал о том, чтобы послать кого-то другого сделать тяжелую работу для Мухаммеда. И пока его кортеж летел по небольшим темным улицам Эр-Рияда, он, сидя на заднем сиденье первого автомобиля без номеров, просматривал под включенным в салоне светом дело и в который раз обдумывал свой план.

Папка с делом Ридов была тонкой, информации в ней содержалось немного. На первой странице были кратко изложены основные сведения. Как следовало из заявления о выдаче визы, официально доктор Рид работал учителем частной школы в Саудовской Аравии. Его жена Сара — школьным администратором. Но Ахмед знал, что на самом деле Риды были миссионерами из Америки, посланными вводить в заблуждение и обращать в свою веру мусульман.

Как сообщил его источник — верный мусульманин, якобы обратившийся в христианство и примкнувший к церкви Ридов, — благодаря сочетанию страстных проповедей доктора Рида и управленческих навыков его жены, им удалось увести от веры немало мусульман. Сегодня их преступлениям будет положен конец.

Вторая страница дела Ридов представляла собой письменные показания этого источника. По его словам, Риды с последователями собирались каждую пятницу в семь часов вечера в небольшой гостиной их квартиры. Их подпольная церковь была одной из самых быстрорастущих в Эр-Рияде. Чета миссионеров одинаково тщательно заботилась и об обращении приходивших к ним, и о секретности службы, длившейся около двух часов.

Но Ахмеда беспокоило отнюдь не пятничное собрание. Имена и адреса молящихся можно было — что и было сделано — получить от своего информатора. Одно маленькое церковное собрание не стоило и минуты драгоценного времени Ахмеда. Но источник утверждал, что благодаря этим миссионерам в городе появилась целая сеть подпольных церквей. Пятничными вечерами они молились об этих собраниях. Некоторые из них проводили Риды — в других местах. А некоторые — пасторы, наученные Ридами. Они никогда не называли имен, так что информатор ничего не знал ни о лидерах, ни о местах проведения собраний.

Зато Рид знает. И если его заботит судьба его жены и детей, сегодня он скажет все.

Ахмед посмотрел на паспортные фотографии американцев. Годы служения не пощадил Чарльза Рида. Вглядевшись в бледное, покрытое оспинами лицо этого полного чужеземца, его очки с толстыми линзами, редущие волосы и глубокие морщины, которые разбегались в разные стороны от уголков глаз, Ахмед ухмыльнулся. Легкая добыча. Мягкий. Податливый.

К Саре Рид время было благосклоннее. Короткие вьющиеся светлые волосы обрамляли нежное лицо с гладкой кожей. Высокие скулы подчеркивали глубокие голубые глаза, которые даже на фотографии были полны жизни. Ахмед был удивлен, что Сара Рид даже не подумала украсить себя мерзким западным макияжем или золотыми побрякушками. Весь ее внешний вид подчеркивал естественную душевность и теплоту характера, с помощью которых женщина сразу же втиралась в доверие к ничего не подозревающим мусульманам и уводила их в свою ересь.

Глядя на фотографии, Ахмед был уверен, что Чарльз Рид безумно любит свою жену и готов пойти на все, лишь бы защитить ее. Он также был уверен, что взятые им люди с их страстью к западным женщинам дадут Чарльзу достаточно поводов для беспокойства.

Спустя несколько часов после звонка Сара уже начала подумывать, что это была ложная тревога.

Поначалу, потрясенная звонком, она предложила бежать.

— И куда нам идти? — спросил Чарльз. — Кого мы готовы подвергнуть опасности, если нас приютят?

Сара опустила глаза и ничего не ответила.

— Если мы останемся в этой стране, рано или поздно нам придется встретиться с ними, — спокойно проговорил он.

Без лишних слов Сара взялась за телефон и начала звонить. Она звонила тем, кому могла доверять, с просьбой приютить детей. Она обзвонила всех членов церкви, объяснила им ситуацию, сообщила об отмене сегодняшней службы и попросила молиться за них. Трех членов церкви не было дома, но она, нарушая все правила их подпольной жизни, оставила им на автоответчиках предупреждения об угрозе.

Когда Мередит и Стивен покинули квартиру, Сара и Чарльз принялись убирать все знаки их вероисповедания. Чарльз взялся за компьютер: он удалял программы по изучению Библии, электронные письма, различные файлы и их архивные копии. Списки членов церкви он скопировал на флэш-карту.

Сара собрала все компакт-диски, Библии, сборники гимнов, листы с адресами и бумаги от миссионерского совета в два больших зеленых пакета для мусора. Она даже сняла с холодильника магниты с библейскими стихами. Для безопасности она завернула каждый пакет в еще один и вынесла их на улицу. Дом Ридов находился в глухом районе шумного Эр-Рида. В нем жили сотни человек, в основном иностранцы. Квартиры отличались лишь номером на двери. В спертom воздухе стоял запах мочи. Краску на доме обновляли неведомо когда, а контейнеры для мусора на парковке были переполнены. Сара отволокла тяжелые пакеты к контейнерам в трех кварталах от дома.

Когда они закончили «генеральную уборку», их квартира выглядела так, как будто в ней жили убежденные атеисты.

Настало время помолиться. На протяжении нескольких следующих часов Чарльз и Сара сидели друг напротив друга и разговаривали — друг с другом и с Богом.

— Господи, — тихо говорил Чарльз, держа руку Сары, лежащую на кухонном столе, — если на то есть Твоя воля, избавь нас от му-

таввы и сохрани. Но если Ты желаешь, чтобы мы пострадали, даруй нам Духом Своим Святым силу и храбрость, которые Ты даровал апостолу Павлу. Даруй нам ту благодать, которая позволила Павлу говорить, что он почитает за радость пострадать за имя Твое. Более же всего просим: огради Мередит и Стивена и сохрани их.

Чарльз сжал руку Сары. Она ответила тем же.

— Во имя Иисуса. Аминь.

Сара встала, чтобы еще раз осмотреть квартиру. Близилась ночь. Может, никто и не появится. Было почти восемь. Может быть, Господь уже ответил на их молитвы.

Она посмотрела на Чарльза и заставила себя слегка улыбнуться. Он старался выглядеть спокойным, но Сара чувствовала, как вспотели его ладони во время молитвы, и видела тот ужас, что застыл в глубине его глаз.

Встав, она засунула руки в карманы джинсов и нащупала ее. Свою молитвенную карточку: лист бумаги, который напоминал ей о необходимости молиться всякий раз, когда она прятала руки в карманы. Она улыбнулась от того, как Господь напомнил ей о необходимости избавиться от карточки. Она очистила весь дом, но совершенно забыла о том, что лежало у нее в кармане.

Она вытащила ее, чтобы в последний раз прочитать имена на пути к двери. Карточке предстояло вместе с другими вещами отправиться в мусор. Но сначала нужно постараться запомнить. *«Молиться о спасении, — гласила надпись на листке картона. — За Ханифа и Картума, приходивших, но ни разу...»*

Она не закончила предложение и застыла на полпути к двери. На площадке за дверью послышались какие-то звуки — возможно, чьи-то шаги. Она бросила взгляд на Чарльза — тот приложил палец к губам. Сара засунула руку под блузку и спрятала записку в бюстгальтер. Еще один шорох, приглушенная речь...

К 20:02 Ахмед и его люди расположились на лестнице и на площадке перед квартирой 3С. Своим низким и хриплым голосом он отдавал команды на арабском языке.

Через мгновение его люди выбили деревянную дверь в квартиру и обрушили на Сару и Чарльза Рид гнев Мухаммеда.